

*Мы предлагаем вашему вниманию беседу писателя и журналиста **Игоря Свинаренко** с Президентом Экономического факультета **Василием Петровичем Колесовым**, 25 лет возглавлявшим факультет в должности декана.*

Беседа состоялась в рамках подготовки книги «Наш Эконом».

Игорь Свинаренко: В 80-е, 90-е происходила борьба – какой курс выбрать – судя по тому, что вы после этого успешно работали много лет, то, наверное, можно сказать: вы всегда делали правильный политический выбор.

В. П. Колесов: В общем, да! Одна из задач была – тонко провести факультет между двумя опасностями. С одной стороны, сторонники старого режима, которые сильно нас критиковали, все делали, чтобы факультет не уходил с заданной полосы.

И. С.: С марксизма-ленинизма.

В. К.: По-моему, партийная ячейка еще года четыре после 91-го года существовала, потом была распущена. Но они – собирались!

Вторая история, которая могла бы быть – это сразу кинуться в объятия либералистов. Тем более что они из нашей среды вышли, – и Ясин, и Гайдар. С Ясиным работали мы долгое время. Гайдар – выпускник наш, он много университету помогал. Мало кто знает, что более 20 лет мы получаем коэффициент к зарплате 1,5 – это сделал Гайдар! Причем он принял решение в моем присутствии, в моем кабинете, – при встрече с ректором.

И. С.: Будучи кем?

В. К.: Будучи исполняющим обязанности премьера. Он приехал в университет уже не помню в связи с чем, какие-то научные мероприятия или что-то в этом роде.

И. С.: Этот коэффициент – для факультета?

В. К.: Нет! Для всего университета. Когда Виктор Антонович Садовничий, ректор, рассказал, в каком мы положении – у Гайдара быстро возникла идея – признать уникальность МГУ. Потом этот статус трансформировался в «культурное достояние», и сразу вышло постановление правительства на эту тему. Некоторые наши сотрудники Гайдара ругают, а вот я был прямым свидетелем того, что он сделал для университета.

И. С.: А он это сделал, чтобы просто помочь родному учебному заведению – или в этом объективно был какой-то государственный смысл?

В. К.: Ясно, был смысл! Весь тот разговор был экспромтом. Гайдар увидел масштаб проблемы, он понял, что университет, где он учился – вдруг оказался под угрозой.

И. С.: Когда ругают Гайдара за его реформы, я говорю оппонентам: «Ах вам не нравится? Давайте, устройте обратно как было. А то чего вы так – ругаете, ругаете. Отмените частную собственность, пусть будет опять компартия, госплан, Думу разогнать... Давайте сделайте что-то: введите партмаксимум, снесите вторые этажи на дачах, шесть соточек себе оставьте, чтоб не было личной нескромности. А?!» Люди теряются, знаете.

В. К.: Гайдар, конечно, попал в серьезную ситуацию. Ему принадлежит великая фраза: «Мы (правительство) – как картошка, нас либо к весне либо съедят, либо осенью посадят».

Постепенно произошла эволюция. Потому что стало понятно, что либерализм такой откровенный, махровый, как был распропагандирован во времена Чубайса и Гайдара – он, конечно, не смог выполнить поставленных задач. Хотя – тот резкий переход, то, что решились на него и, в конце концов, перестали мучить людей и систему, – это можно в заслугу поставить...

И. С.: То, что ввели рынок?

В. К.: Да! То, что цены освободили – это спасло страну. Потом, конечно, стало нарастать государственное вмешательство, и вот сегодня мы видим явное присутствие государства. Оно чрезмерное в экономике, не нужно столько государства! Много чиновничества, и вследствие этого – много проблем. Потому что это же фактически, правящий класс – чиновничество. А другие социальные профессиональные слои не очень там представлены, наверху...

Так вот, мы остановились на том, что нужно было все-таки факультет между двумя крайностями провести. Были коммунисты ярые, откровенные и Виктор Никитич Черковец очень долгое время занимал позицию, ну, скажем, левацкую... Некоторые вообще занимали позицию: «Ничего менять не будем...»

И. С.: А вы пытались с ними дискутировать? Они ведь экономисты, казалось бы.

В. К.: Не один год уговаривали! А один сотрудник вот: «Нет, ничего менять не будем, система правильная, система верная.» И пришлось, конечно, с ним расставаться.

И. С.: А как вы, извините, с такими расставались?

В. К.: Существовала тогда процедура переизбрания. Пришло время переизбрания, я поставил на кафедре вопрос кардинально, сказал, что эту кандидатуру не поддержу. Пришлось объяснить преподавателям.

И. С.: Это была та формулировка, которая позже появилась -- «в связи с утратой доверия»?

В. К.: Нет, это же 90-е годы, тогда другие формулировки были. Все-таки кончилось тем, что он написал заявление. Потому что альтернативы не было.

И. С.: А с Черковцом тоже были дебаты?

В. К.: Да! Но он со временем убедился, что все-таки вернуться на прошлые позиции – невозможно. Он понял, он умный человек. Много размышляет, пишет.

А факультет никуда не свалился, все-таки выстоял. Тяжелая была задача! Конечно, на факультете созревали силы, которые говорили, что нужно переходить к рынку, но при этом не говоря, что государство нужно отбрасывать. Нужно найти правильный баланс, – это всегда была позиция факультета, многих профессоров. Но когда вот 91-й год произошел – тогда, конечно, уже сильно обстановка изменилась и, фактически, очень быстро началось какое-то такое половодье экономического образования, экономических вузов, факультетов. Всё быстро пошло, – 900 вузов стали готовить экономистов! У нас, конечно, была задача -- спасти факультет, не раствориться в этом потоке. Мы создали УМО (это учебно-методическое объединение). Сначала нам говорили: «Ну, вы там внутри МКАД живете, у вас все другое!» Но потом стали нас слушать.

И. С.: То есть вы при помощи УМО произвели зачистку?

В. К.: В общем, да. Потом я эту задачу, когда все осмыслил, стал пролонгировать, была необходимость обновления содержания образования. Это главное было – обновление структуры, обновление технологии обучения и материальной базы. На протяжении конца 90-х годов это были главные задачи факультета. Там, конечно, не до публикаций было, нужно было просто выжить, уцелеть и сделать рывок вперед. Что интересно, начали мы не с содержания. Задача содержания – ее, по-моему, впервые озвучил министр Филиппов только в 2006 или 2007 году.

И. С.: Начали вы со стройки? Мы как раз беседуем с вами в новом здании факультета.

В. К.: Нет, не со стройки. Стройка - это не самое главное.

И. С.: Зато самое заметное.

В. К.: Эту модернизацию образования начали с изменения структуры. Структура была вот как изменена. Мы задумались над тем, что слишком какое-то такое пиковое положение на рынке труда: вузы готовят специалистов по некоему перечню специальностей, их было 550 примерно, и пирамида эта приблизительно ложится на пирамиду занятых в стране (хотя немножко не совпадало – одни лишние, а других был дефицит). И лично я стал уже в 80-х годах приходить к заключению, что нужно переходить на ступенчатую систему.

И. С.: А, бакалавриат, магистратура?

В. К.: Да.

И. С.: Вы это на Западе подсмотрели? Или независимо от них придумали?

В. К.: Нет, придумать я не придумал ничего.

Я работал в ЮНЕСКО семь лет и много чем там занимался. В 1979 году там было принято решение – провести исследование образования. И в 1980 году пошло финансирование, я приехал, мне сказали: «А, ты доктор наук? Вот и занимайся этим вопросом!» Я сразу втянулся в эту проблематику и закончил проект через три года. У меня, конечно, появилось понимание того, как должно развиваться образование в мире. Дело не в том, что я что-то подсмотрел. Эта проблема назревала давно и, если бы не было переворота, мы бы к ступенчатому образованию незаметно перешли. У нас вся нормативная документация, все проекты законов – все было готово, когда последним министром (образования СССР) был Ягодин. Дали б команду – и все б перешли! Но – началась трансформация, и уже им там наверху стало не до этого. А мы успели! В 1991 году, в самом начале года, мы приняли решение на Ученом совете факультета, мы пошли на большой Ученый совет МГУ – и эксперимент тогда поддержали.

И. С.: Вот по двухступенчатому обучению?

В. К.: Да! Дали нам добро, и набор мы сделали уже на бакалавров. Объявили набор и двухлетнюю программу! Ребят набрали – и пошли отдыхать. А в

августе – ГКЧП. Потом в декабре развалился Советский Союз, и уж все забыли о двухступенчатой системе.

И. С.: Забыли все – кроме вас?

В. К.: Так а мы уже там были! Если бы не успели сделать первый набор, тогда другое дело... Поэтому начали с двухступенчатой системы – мы! Почему? Я вам скажу: нужно было снять внутреннее противоречие. Вот раньше был учебный план, лицевая сторона плана – это то, что сейчас называют обязательными дисциплинами, а все остальное – по выбору на обороте. Никто не хотел быть на обороте, все хотели быть обязательными! Но кафедра политэкономии забирала себе треть часов, всем другим мало что оставалось.

Но было много и других кафедр! И, чтобы дальше идти, нужно было снять дилемму, развести. И тогда я придумал – нужно сделать обязательный минимум для студентов уровня бакалавров, а все большое разнообразие – вынести в магистратуру. Одно время у нас примерно триста курсов читалось на факультете, из них только 30 – обязательных. Все остальное – по выбору. Конечно, шла борьба за то, чтоб не остаться без работы. А потом стало ясно, что всем есть работа, практически каждая кафедра имела по одной магистерской программе.

И. С.: Ага, так вы развели их?

В. К.: Да. Развели по уровням, по ступеням. То, что ребятам молодым необходимо – это обязательно. А то, что по был по выбору, спецкурсы – это всё пошло на уровень магистратуры. Это было правильное решение.

И. С.: А почему система именно Болонская? Это потому что там самый древний университет?

В. К.: Университет Болоньи – да, это старейший университет, вот праздновали его тысячелетие.

И. С.: Больно думать, что их университет древней нашего МГУ!

В.К.: Но что – Болонья? Европа взяла идею двухступенчатого образования у американцев. Европа уже к нему привыкла. Хотя там тоже не так все просто. Бывает, что первый цикл, четыре года, делится на два... У нас удачно все-таки получилось. Еще же денежные соображения были, вроде говорили, что можно сэкономить – один год минус. А на самом деле, когда мы стали переходить на магистратуру, не сэкономиили...

И. С.: А кто был деканом в ваше время, и что вы думали о нем?

В. К.: Декан первый был Удальцов. Я его, конечно, не застал, он ушел в 1947 году. Потом Максимов был, его я уже помнил как декана. Как студент я в его время начинал. Что-то помню, но – никогда не общался. А вот Жамин, он заведующий нашей кафедрой зарубежки был – его я уже хорошо себе представляю, хотя он и недолго был. Жамин, затем Солодков... Я так скажу: я седьмой декан. «Долгожителей» два было: Удальцов и Солодков – по 12 лет. Эти два «долгожителя» суммарно меньше проработали, чем у меня получилось...

И. С.: С Солодковым вы плотней общались.

В. К.: Так получилось, что Солодков меня выделил, поддерживал, пригласил на пост замдекана по работе с иностранцами. Я у него учился, я пришел человеком взрослым, после армии, и он это заметил.

И. С.: Прямо вот вы закончили -- и сразу замдекана?

В. К.: Нет, не сразу. Я закончил, поступил в аспирантуру, и в последний год обучения мне предложили поехать в Алжир военным переводчиком.

И. С.: А что вы там и кому в Алжире переводили?

В. К.: Переводчиком я был в артиллерийской школе. Там был один толковый парень, я его выучил терминам основным, а он – меня. Как известно, в Алжире ввели религиозное образование, и это аукнулось 20 лет спустя. И -- всё, в Алжире стало невозможно жить. А тогда это была прекрасная страна! Очень красивая.

И. С.: А где же вы выучили так язык?

В. К.: Здесь, на факультете, на кафедре. Тогда был популярен французский язык.

И. С.: На факультете?! Потрясающе. Ну да, с французским понятно, потому что были контакты и по линии их компартии, и «Нормандию-Неман» помнили...

В. К.: У нас десятимесячная практика была, я на 10 месяцев поехал, там же и диплом написал, по Алжиру. Там я заработал на квартиру. Это был первый случай, когда студент заработал на квартиру! За 10 месяцев.

Двухкомнатная квартира, скромная. Метро «Беляево» тогда не было, до ближайшего метро автобус ходил, с интервалом в тридцать минут.

Еще про то, почему Солодков обратил на меня внимание. Я не только в армии служил, но и перед учебой в МГУ, в 1956 году, закончил техникум и отработал почти год в Красноярском краевом финансовом отделе ревизором, это были командировки, поездки по всему краю... Но вернемся к Солодкову. Он меня как-то выделил и пригласил работать.

Потом, когда меняли Солодкова, стали спрашивать – в том числе и меня – кого предлагать деканом? Я говорю: «Попов Гавриил Харитонович – это было бы хорошо, но он же в Вену уехал работать». И другие были за него. Он дал согласие, приехал. Нужно было всю команду обновлять. И я тогда взял творческий отпуск.

Я уже готовил докторскую диссертацию. (В 1969 я кандидатскую защитил.) Ударно работал над ней, многие вещи заранее заготовил, статьи, все такое... Потом защитил, правда, не с первого раза – совет не могли собрать.

И. С.: Ну и как она, удалась?

В. К.: Там есть некоторые вещи... Была же идея некапиталистического пути развития.

И. С.: И вы же верили в это?

В. К.: Ну, практически да, а как же. Скажем так – верил, хотя уже в то время были сомнения, что между государственным сектором и общественным

сектором знак равенства нужно ставить. И на свою беду я просто уехал в Алжир и перестал этой темой заниматься. Когда приехал, узнал, что уже вооружились понятием «общественное благо», то, чего мне не хватало. Если бы при мне, с моей помощью, с моим участием оно возникло, мы бы все противоречия между общественным благом, потребностями, общественными целями – увязали бы. А так приходилось говорить – да, в определенных условиях госсектор может быть капиталистическим, бюрократическим. Даже был термин «бюрократическая буржуазия» – тогда был, сейчас его не любят.

И. С.: Странно – почему?

В. К.: Люди, которые занимаются государственной собственностью, на самом деле становятся носителями своих собственных интересов – как правящего класса.

И. С.: Ну, так это еще Маркс объяснял, он говорил, что для чиновника государственная собственность является его собственной. частной, и он с ней делает, что хочет.

В. К.: Ну вот и это было! А потом я приехал из Алжира и как-то в административную работу погрузился. А научной работой занимался, конечно, всё меньше и меньше.

И.С: Всех у вас так отправляли, за границу?

В. К.: Нет, отправляли не многих. Просто начальник военной кафедры, полковник Маслов (потом он был проректором) – у меня с ним дружба была с первого курса.

И. С.: **А вас на кого готовили, в военном смысле?**

В.К.: Специальность была – «Парт/политработа среди войск и населения противника».

И. С.: **Это серьезно! Вы, наверное, были человек кристально чистый, а иначе, как же бы вы прошли проверку. Морально устойчивый, небось...**

В. К.: Ну, я окончил техникум и сразу начал в институте учиться заочно, еще до призыва в армию. То есть я пошел в армию уже студентом второго курса. В армии мне, в силу обстоятельств, звание присвоили сержантское, я отвечал за команду какую-то, и в партию там предложили вступить. Ну как – не будешь же отказываться. Это сейчас кажется, что можно было отказаться...

И. С.: **Сейчас бы спросили: «А в какую партию?» Тогда не было такого вопроса.**

В. К.: Я проработал два с половиной года ревизором (сейчас «аудитор» это называется), плюс армия, плюс членство в партии, и возраст: мне было уже 22 года, не 17, как другим. Так и пошло все. Поскольку я учился в техникуме финансово-экономическом, у меня учеба на факультете была легкой, я все время учился на «отлично».

И. С.: **Ну и безупречный моральный облик.**

В. К.: Никаких взысканий не было. На первом курсе меня в объединенный профком выбрали, – ну, куда денешься. Что было – было. А в общежитии, – как все, выпивали.

И. С.: Но в меру, понимаю, да. Интересная жизнь у вас. А почему вы вообще экономику выбрали?

В. К.: Знаете, это, конечно, связано с детством. Отец у меня рабочий был, – как сейчас говорят, дальнобойщик. Он в то время ходил не в короткие рейсы, – а на Севере работал.

И. С.: Жизнь повидал.

В. К.: Да! Причем из кабины месяц мог не вылезать. Говорит: «Так надоели эти машины, ты от них подальше иди». После 7-го класса решили, что мне нужно идти в техникум. Рядом их было два. В автомеханический отец мне не советовал идти, и пошел я в финансово-экономический. Выбор сделали родители. Но потом, когда я начал работать, стало интересно! В армии окончил я школу младших авиационных специалистов, и повезли нас в Белоруссию служить. Проездом в Москве во всей красоте увидел я Московский университет... И подумал: «О, сюда я и пойду». И пошел после армии. Взяли меня без экзаменов. Я попал под сокращение в армии в 1961 году, это Никита Сергеевич Хрущов устроил. И все военнослужащие, которые до армии учились в высших учебных заведениях – имеют право на поступление в любом направлении, в любой вуз. А я как раз имел за плечами два курса финансового.

И. С.: Вы сами получили, как я посмотрю, образование двухступенчатое: техникум, а потом университет.

В. К.: В этом смысле – да. Да что мы все обо мне, да обо мне! Давайте о факультете.

И. С.: Давайте. Когда вы стали мечтать о должности декана?

В. К.: Я не мечтал, вообще говоря. Не думал об этом. Я никогда раньше не говорил об этом, но сейчас уже можно: я четыре года был в штате ЮНЕСКО. Там интересно платили, тем более, года через три сняли эту обязательную сдачу зарплаты. 80% забирали раньше. А платили – первый год четыре тысячи франков, потом – пять, а оставляли где-то 900 франков. По тогдашнему курсу – 200 с чем-то долларов. Ну, и плюс жилье оплачивали. То есть я оплачивал, мне это тоже засчитывали.

И. С.: 900 франков оставалось – на еду?

В. К.: Там много других соблазнов. Можно было машину купить. Я потом уже поехал в Москву, но, если бы очень захотел, мог обратиться в комиссию ЮНЕСКО в МИДе – и снова поехать на Запад. Но я рад, что не поехал. Я тут активной интересной жизнью живу.

Мы уже всю Европу объездили тогда, всё, что можно было, посмотрели. В отпуск – в морской круиз, заходим в Грецию, в Турцию. В 1982 году – это представить себе было трудно. В самолете – первым классом... Правда, дела афганские – они немножко портили настроение, потому что все время были кордоны вокруг посольства, митинги. Ну, в общем-то, это нас не очень сильно и затрагивало...

Скажу еще про двухступенчатую систему. Мы устояли, хотя было сложно, тяжело, трудно. Мы подготовили десятка два преподавателей по новым дисциплинам. Которые не изучались раньше. Микро-, макро-, международка, институциональное направление... И стали писать учебники, «зеленую серию», – 80 учебников почти издали, и заявили всему университетскому сообществу, всему сообществу экономистов – вот как надо, вот куда надо! Поэтому нам сразу поверили. На УМО никто не подвергал сомнению, что экономический факультет МГУ идет впереди. Мы заняли ведущую позицию. Именно благодаря тому, что освоили новое содержание, издали учебники и явно стали на позиции современного, рыночного – но без особых захлестов в сторону – либерализма. Это было очень важно, это равновесие выдержать. И – выдержали. Это самая главная задача образования – обновить содержание. Новые технологии – информационные... Нужно всё было как-то по-новому поставить, и самое главное – это реальная база.

Как-то с Михаилом Васильевичем Кулаковым мы, по-моему, в 1989 году оказались в Чили, в Католическом университет номер один. А там – аудитории светлые, просторно, пальмы... И я говорю: «Миша, вот бы и нам что-то светлое, современное!». Ну и стали думать, с выпускниками советоваться, а когда объявили, то уже отступить некуда, было. Стали зарабатывать денежки... На программах дообразования. Да и платные студенты пошли к этому времени. Мы были первыми! В свое время пинков я много получал за то, что платное образование развиваем. Во второй половина 90-х серьезная критика была... Но, в конце концов, все привыкли к этому. Народ сразу пошел на платное обучение! Потому что спрос был большой на факультет. Стали водиться денежки. Кто работал больше нормы, тем преподавателям мы стали выплачивать дополнительную зарплату. Стали думать о том, что можно, все-таки, и оборудование покупать, – тогда компьютеры первые пошли, ну, и значительная часть доходов шла на это. И под это дело мы все-таки заказали проект нового здания... Причем долго, серьезно спорили. Мы говорим: «Нам нужно, чтобы буква «Э» была, чтобы

светлое будущее было!» Мы начали с этого. Думали – высотка в виде буквы «Э». Но когда стало ясно с площадкой, архитектор сказал: «Нет, так не пойдет, потому что с проспекта Вернадского перспектива главного здания будет закрыта, должно быть низкое расположение, не больше шести этажей». Стали выдвигать язычок, из него что-то там делать, всю эту часть – и, в общем, получилось и «Э» как бы, и «Ф» еще добавилось. Сверху, когда снимки дают, видно – «Э Ф».

Встал вопрос выбора строителей. Мне сказали: «Бери только иностранную фирму! Будет надежно, это качественно, потому что турки строят по немецким технологиям и не капризничают, не будет денег – они подождут». Так и вышло. Начали строить... Ну, как строить – сначала начали деньги искать. Один из заместителей Минэкономразвития своими ресурсами выделил 30 миллионов. Все-таки начали, заложили фундамент. Затем, на следующий год, нам, по-моему, 40 миллионов выделили, стены начали возводить. Потом замерло, не было денег. Потом 120 миллионов нашли, потом вошли в программу федеральную целевую, сейчас не помню точно названия. Последняя программа, когда достраивали, была такая: «Кадры для инновационной России». Это всё только благодаря тому, что в аппарате правительства хорошие есть ребята, выпускники факультета. Они нам подсказывали, где достать деньги. И таким образом долго, фактически девять лет, мы строили – и построили! Вот – построили, в 2009 году начали въезжать сюда, а в 2012 году окончательно въехали.

И. С.: Это можно считать ответом на вопрос: «Что вы считаете самой большой вашей удачей за время работы на посту декана?»

В. К.: Знаете, я считаю самой большой удачей то, что мы все-таки обновили содержание образования. Если посмотреть на учебный план Сорбонны, или университетов в Бельгии, Германии или Соединенных штатах – то там тот же

набор дисциплин, что у нас, мы стали современными. Мы, может, чего-то еще не достигли, но мы стали в один ряд с лучшими, экономическое образование у нас стало частью общего мейнстрима образования в развитых странах.

И. С.: Что такое «идеальный декан»? Вот такой вопрос.

В. К.: Я думаю, идеальных не существует.